

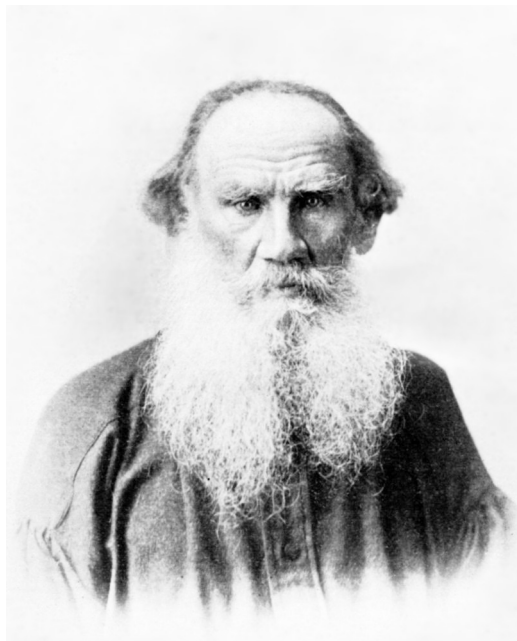
Лев Толстой

•

СУЕВЕРИЕ
ГОСУДАРСТВА

•

REV-верстка

Лев Николаевич Толстой

Выпущено инициативными участниками
Международного Союза Анархистов

Предисловие

Лев Николаевич Толстой – «Суеверие государства» – этой работой мы открываем серию книг из цикла «Библиотека анархизма», проект, который воплотился в жизнь благодаря инициативным участникам Международного Союза Анархистов (М.С.А.). Почему именно эта книга? Несколько лет назад мне удалось найти это произведение на просторах Интернета, распечатать и ознакомиться с ним. Сегодня, когда люди спрашивают что-то ознакомительное по вопросам анархизма – я рекомендую им эту книгу. Написанная простым и доступным языком книга переворачивает сознание с головы на ноги. В ней нет громких программ, схем и замумных мыслей, как в большинстве научно-бюрократических трудов. Лев Николаевич умел писать так, чтобы до любого могли прийти те простые принципы безвластного устройства общества, чтобы даже у самого маленького читателя не осталось вопросов. Книга не предназначена исключительно для детей. Но по большому счету – это книга взросления. Взросления в плане повышения своего нравственного, духовного уровня, взглядов на жизнь, способность мыслить и анализировать происходящее своей головой. Поэтому «Суеверие государства» рекомендуется к прочтению тем, кто интересуется жизнью общества, кому не безразлична активная гражданская позиция, тем, кто устал от повсеместной бюрократии и угнетения, тем, кто начинает интересоваться вопросами безвластного общества.

Толстой был уникальным человеком. Более века прошло с момента, как он ушел из жизни, но книги его актуальны на сегодняшний день. Они ничуть не устарели, то, что описывается в них – с успехом можно рассмотреть с проекцией на наше время. В этом нет ничего удивительного, потому что за

последний век, по большому счету, ничего не изменилось. Люди все также зарабатывают потом и кровью (иногда и жизнью) свой кусок хлеба у рабовладельца, дети их гибнут за мифические интересы государства (и за корыстные интересы генералов), недавно принятый закон о прописке превращает человека в «невъездного» и т. д.

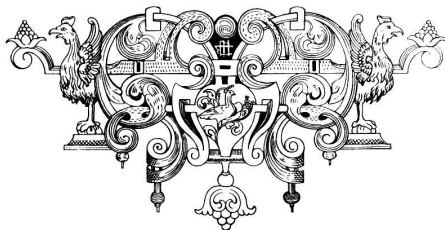
За свои взгляды Толстого боготворили и ненавидели. Он был одним из отцов русского анархизма и анархо-христианства. Церковь, которая, как и сегодня, была с государством в одной упряжке отлучила его от церкви и придала анафеме. Но и после смерти, память о Толстом вызывает негодование у священнослужителей и власть имущих. Так, в 2009 году приговором суда Ростовской области Л.Н. Толстой был признан экстремистом, за высказывание, написанное в «Офицерской памятке» и «Солдатской памятке»: «Я убедился, что учение [русской православной] церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения». Что может быть более подлым, чем осудить того, кто уже не в состоянии ответить? РПЦ ногами карателей из госинститутов пыталась втоптать в грязь память о великом старце.

Но вернемся все же к книге «Суеверие государства». Хочется сказать слова благодарности тем, без чьей помощи эта книга никогда не вышла бы в свет – проекту Rev-верстка и Некоммерческому Полиграфическому Проекту «Lixou-Star». Как инициатор выпуска первой книги из этой серии, у меня есть пожелания по распространению издания. Очень не хочется, чтобы книга стала предметом спекуляций и наживы. Читайте, давайте читать знакомым, друзьям, дарите, меняйте. Продажа приветствуется только в виде свободной цены – та цена, которую покупатель сочтет нужным запла-

Суеверие государства

тить за книгу, или же, если средства от тиража пойдут на поддержку анархических проектов или помощь политзаключенным.

Protester.

От издателя

Предлагаемая книжка «Суеверие государства», составленная Л. Н. Толстым в 1910 году, представляет собой одну из частей большого последнего предсмертного труда Льва Николаевича «Путь жизни», изданного под его наблюдением нашим издательством в виде 80-ти отдельных выпусков и в одном большом томе.

Эта часть по цензурным условиям не могла появиться при старом порядке в России. Глубоко радуясь, что могу выпустить теперь в свет эту книжку, огромного, по-моему, значения.

Часть мыслей, заключающихся в ней, подписана именами других мыслителей и писателей, но все эти мысли не только выбраны Львом Николаевичем из тех, которые особенно верно и глубоко выражают собственные его взгляды на государство, но и подвергались такой сильной его обработке, что могут считаться почти как бы его собственными мыслями о том вопросе, который имеет такое огромное значение в жизни человечества.

Пусть же теперь, звуча из-за могилы, из вечности, великий голос Толстого поможет человечеству стряхнуть с себя тяготеющие над ним заблуждения и великими усилиями духа освободиться из векового рабства призракам, созданным и поддерживаемым самими же людьми, страдающими в этом рабстве.

И. Горбунов-Посадов. Август 1917 г.

I. В чем ложь и обман учения о государстве

1.

Лжеучение государства состоит в признании себя соединенным с одними людьми одного народа, одного государства, и отделенным от остальных людей других народов и других государств. Люди мучают, убивают, грабят друг друга и самих себя из-за этого ужасного лжеучения. Освобождается же от него человек только тогда когда признает в себе духовное начало жизни, которое одно и то же во всех людях. Признавая это начало, человек уже не может верить в те человеческие учреждения, которые разъединяют то, что соединено Богом.

2.

Разумно любить добродетель, уважать подвиги, признавать добро, откуда бы мы его ни получали, и даже лишаться своего удобства для славы и выгоды того, кого любишь, и кто того заслуживает: таким образом, если жители страны нашли такое лицо, которое показало им большую мудрость, чтобы охранять их, большую храбрость, чтобы их защищать, и великую заботу, чтобы управлять ими,- и если вследствие этого они привыкли повиноваться ему так, чтобы предоставить ему некоторые выгоды, я не думаю, чтобы это было неразумно.

Но, Боже мой! Как назовем мы то, когда видим, что большое число людей не только подчиняются, но раболепствуют перед одним человеком или перед немногими некоторыми людьми, – 2000 и раболепствуют так, что не имеют ничего своего: ни имущества, ни детей, ни даже самой жизни, которые бы они считали своими, и терпят грабежи, жестокости не от войска, не от варваров, но от одного человека и не от Геркулеса или Самсона, но от людей большей частью очень плохих в нравственном отношении. Как назо-

вем мы это? Скажем ли мы, что такие люди трусы? Если бы два, три, четыре не защитились бы от одного, это было бы странно, но все-таки возможно, и можно было бы сказать, что это от недостатка мужества, но если сто тысяч людей, сто тысяч деревень, миллион людей не нападут на тех немногих, от которых все страдают, будучи их рабами, то что это за удивительное явление?

А между тем это совершается во всех странах со всеми людьми, – совершается то, что несколько людей властвуют над стами тысячами деревень и лишают их свободы; кто бы поверил этому, если бы только слышал, а не видел это. И если бы это можно было видеть только в чужих и удаленных землях, кто бы не подумал, что это скорее выдуманно, чем справедливо! Ведь тех нескольких людей, которые угнетают всех, не нужно побеждать, не нужно от них защищаться, – они всегда побеждены, только бы народ не соглашался на рабство. Не нужно ничего отнимать у них, нужно только ничего не давать им, и народ будет свободен, Так что сами народы отдают себя во власть угнетателей, сами перерезают себе горло. Народ, который может быть свободным, отдает сам свою свободу, сам надевает себе на шею ярмо, сам не только соглашается со своим угнетением, но ищет его. Если бы ему стоило чего-нибудь возвращение своей свободы и он не искал бы ее, этого самого дорогого для человека естественного права, отличающего человека от животного, то я понимаю, что он мог бы предпочесть безопасность и удобство жизни борьбе за свободу. Но если для того, чтобы получить свободу, ему нужно только пожелать ее, то неужели может быть народ в мире, который бы считал ее купленной слишком дорогой ценой, раз она может быть приобретена одним желанием свободы.

Бедные, несчастные, бессмысленные народы, упорные в своем зле, слепые к своему добру, вы позволяете отбирать от вас лучшую часть вашего дохода, грабить ваши поля, ваши дома; вы живете так, как будто все это принадлежит не вам, позво-

Суеверие государства

ляя отнимать у вас вашу совесть, соглашаясь быть убийцами. И все эти бедствия и разорения, развращения происходят не от врагов, но от врага, которого вы сами себе создаете. Откуда бы была у этого врага власть над вами, если бы вы не были укрывателями того вора, который вас грабит, участниками того убийцы, который вас убивает, если бы вы не были изменниками самим себе? Вы сеете для того, чтобы они уничтожали бы ваши посева, вы наполняете и убираете ваши дома для его грабежей. Вы воспитываете ваших детей с тем, чтобы он вел их на свои войны, на бойни, чтобы он делал их исполнителями своих похотей, своих мщений. И от этих ужасов, которых не перенесли бы и животные, вы можете освободиться, если захотите, даже не освободиться, но только пожелать этого.

Решитесь не служить ему более и вы свободны одним желанием освобождения. Я не хочу, чтобы вы напали на этого врага, но чтобы вы только перестали поддерживать его, и вы увидите, что он, как огромная статуя, из-под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги.

А. Бозти.

3.

Когда посмотришь внимательно на то, чем заняты люди, то нельзя не удивляться на то, как много тратится жизнью для продолжения на земле царства зла, и как поддерживает это зло больше своего то, что есть отдельные государства и правительства.

И еще больше удивляешься и огорчаешься, когда подумаешь, что все это не нужно, что все это зло, которое так благодушно делают сами себе люди, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют нескольким ловким и развращенным людям властвовать над собой.

Пампус Нарокк.

4.

Мы пользуемся благами культуры и цивилизации, но не благами нравственности, При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьями людей. Так что невольно задаешь себе вопрос, не счастливее ли бы мы были в первобытном состоянии, когда у нас не было культуры и цивилизации, чем в нашем настоящем состоянии?

Нельзя сделать людей счастливыми, не сделав их нравственными.

Кант.

5.

«Я очень сожалею о том, что должен предписывать отобрание произведений труда, заключение в тюрьму, изгнание, каторгу, казнь, войну, т.е. массовое убийство. но я обязан поступить так, потому что этого самого требуют от меня люди, давшие мне власть», говорят правители. «Если я отнимаю у людей собственность, хватаю их от семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разоряю их, стреляю в городах по женщинам и детям, то я делаю это не потому, что хочу этого, а только потому, что исполняю волю власти, которой я обещал повиноваться для блага общего», говорят подвластные. В этом обман лжеучения государства. Только это укоренившееся лжеучение дает безумную, ничем не оправдываемую, власть сотням людей над миллионами и лишает истинной свободы эти миллионы. Не может человек, живущий в Канаде или в Канзасе, в Богемии, в Малороссии, в Нормандии, быть свободен, пока он считает себя (и часто гордится этим) британским, североамериканским, австрийским, русским, французским гражданином. Не может и правительство, – призвание которого состоит в том, чтобы соблюдать единство такого невозможного и бессмысленного соединения как Россия, Британия, Германия, Франция – дать своим гражданам настоящую свободу,

Суеверие государства

а не подобие ее, как это делается при всяких хитроумных конституциях, монархических, республиканских, или демократических. Главная и едва ли не единственная причина отсутствия свободы – лжеучение о необходимости государства. Люди могут быть лишены свободы и при отсутствии государства, но при принадлежности людей к государству не может быть свободы.

6.

Работнику сам хозяин задал дело. И вдруг, приходит чужой человек и говорит ему, чтобы он бросил хозяйское дело и делал бы совсем противное тому, что приказал хозяин, чтобы даже испортил начатое хозяином дело. Не правда ли, надо, чтобы работник был совсем сумасшедшим человеком для того, чтобы зная, что он весь во власти хозяина и что хозяин может всякую минуту потребовать его к себе, чтобы, зная все это, работник соглашался делать все противное воле хозяина, что велит делать этот чужой человек.

И что же, это самое делает всякий христианин, когда он по приказу урядника, губернатора, министра, царя, делает дела, противные его совести и закону Бога: отбирает у бедняков имущество, судит, казнит, воюет.

Почему же он делает все это? А потому, что верит в лжеучение государства.

7.

Можно понять, почему цари, министры, богачи уверяют себя и других, что людям нельзя жить без государства. Но для чего стоят за государство бедные, которым государство ничего не дает, а только мучает? Только оттого, что они верят в лжеучение государства.

8.

Лжеучение государства вредно уже одним тем, что выдает ложь за истину, но больше всего вредно тем, что приучает

добрых людей делать дела, противные совести и закону Бога: обирать бедных, судить, казнить, воевать и думать что все эти дела не дурные.

9.

«Деспотизм, смертная казнь, вооружение всей Европы, угнетенное положение рабочих и войны,- все это великие бедствия, и правы те, кто осуждает действия правительств. Но как же жить без правительства», – говорят люди: «какое имеем мы, люди с ограниченными познаниями и разумом, право, только потому, что это кажется нам лучшим, уничтожить тот существующий порядок вещей, посредством которого предки наши достигли настоящей высокой степени цивилизации и всех ее благ? Уничтожая государство, мы должны же что-нибудь поставить на его место. Если же нет, то как же рисковать теми страшными бедствиями, которые неизбежно должны возникнуть, если бы государство было уничтожено».

Ответ на это лжеучение дает христианское учение в его истинном значении. Христианское учение отвечает на это лжеучение тем, что оно переносит вопрос совсем в другую, более существенную и более важную для жизни каждого отдельного человека область. Христианское учение не предлагает ничего разрушать и никакого своего устройства заменяющего прежнее.

Христианское учение тем и отличается от всех общественных учений, что оно говорит не о том или другом устройстве жизни, а о том, в чем заключается зло и в чем истинное благо жизни для каждого человека, а потому и всех людей. И путь, которым приобретается это благо, до такой степени ясен, убедителен и несомненен, что раз человек понял его и потому познал то, в чем зло и в чем благо его жизни, он уже никак не может сознательно делать то, в чем он видит зло

Суеверие государства

своей жизни, и не делать то, в чем он видит истинное благо ее, точно так же, как вода не может не течь книзу или растение не стремиться к свету.

Учение же христианское все только в том, что благо человека в исполнении той воли, по которой он пришел в этот мир, зло же в нарушении этой воли. Требования же этой воли так просты и ясны, что их так же невозможно не понимать, как и превратно перетолковывать. Требования эти в том, чтобы не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали. Не хочешь, чтобы тебя заставляли работать на фабрике или рудниках по 10 часов к ряду, не хочешь, чтобы тебя насиловали и убивали, не делай этого, не участвуй в таких делах. Все это так просто, ясно и несомненно, что малый ребенок не может не понять этого, и никакой софист не может опровергнуть.

Вопрос же в том, какая форма жизни сложится вследствие такой деятельности людей, не существует для христианина.

10.

То, что от государства с его податями, судами, казнями много зла людям, все видят. Все видят и то, что для того, чтобы освободиться от этого зла, надо только не поддерживать государство в его злых делах. Отчего же люди не освобождаются от зла государства, от лжеучения государства? А от лжеучений одно спасение – истина.

II. Суеверие неравенства, выделяющее людей правительства, как особенных, из среды всего остального народа

1.

Люди в наше время так привыкли в тому, что из всех дел, которые делаются, есть такие, которые им запрещено делать, и такие, которые им велено делать, как бы это ни было трудно для них, и что если они будут делать то, что запрещено, и не будут делать того, что повелено, то кто-то за это накажет их, и им будет от этого худо. Люди так привыкли к этому, что и не спрашивают, кто те лица, которые запрещают им, и кто будет наказывать за неисполнение, и покорно исполняют все, что от них требуется.

Людям кажется, что требуют от них всего этого не люди, а какое-то особое существо, которое они называют начальством, правительством, государством. А стоит только спросить себя: кто такое это начальство, правительство, государство, чтобы понять, что это просто люди, такие же, как и все, и что приводить в исполнение все их предписания будет никто иной, а только тот самый разряд людей, над которыми и производятся эти насилия.

2.

Если не будет государственной власти, говорят начальствующие, то более злые будут властвовать над менее злыми. Но дело в том, что то, чем пугают, уже совершилось: те-

Суеверие государства

перь уже властвуют более злые над менее злыми, и именно потому, что существует государственная власть. О том же, что произойдет от того, что не будет государственной власти, мы судить не можем. По всей вероятности должно заключить, что если люди, делающие насилие, перестанут его делать, то жизнь всех людей станет от этого никак не хуже, но лучше.

3.

Стоит только вдуматься в сущность того, на что употребляет свою власть правительство, для того, чтобы понять, что управляющие народами люди должны быть жестокими, безнравственными и непременно стоят ниже среднего нравственного уровня людей своего времени и общества. Не только нравственный но не вполне безнравственный человек не может быть на престоле или министром, или законодателем, решателем и определителем судьбы целых народов. Нравственный добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как целомудренная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник.

4.

Макиавелли вот как поучает государей об исполнении их должности:

«Государям совсем не нужно иметь хорошие качества... но каждому из них необходимо показывать вид, что он имеет эти качества. Скажу больше – в самом деле правителям эти качества могут быть только вредны, тогда как притворство в том, что имеешь те добрые качества, которых не имеешь, напротив, очень полезно. Так для государей очень важно уметь выказаться милосердными, верными своему слову, человеколюбивыми, религиозными и откровенными»

ми; быть же таковыми на самом деле не вредно только в том случае, если государь с подобными качествами сумеет в случае надобности заглушить их и выказать совершенно противоположное.

Всякий может видеть, что государям, особенно только что получившим власть или управляющим вновь возникающими монархиями, бывает невозможно согласовать свой образ действий с требованиями нравственности: весьма часто, для поддержания порядка в государстве, они должны поступать против законов совести, милосердия, человеколюбия и даже против религии. Государи должны обладать гибкой способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам, и, как я сказал выше, если возможно, не надо избегать честного пути; но, в случае необходимости, прибегать к бесчестным средствам.

Особенно важно для государей притворяться благочестивыми; в этом случае люди, судящие по большей части только по одной внешности, так как способность глубокого суждения дана немногим, легко обманываются. Личина для государей необходима, так как большинство судит о них по тому, чем они кажутся и только весьма немногие бывают в состоянии отличить кажущееся от действительного; если даже эти немногие поймут настоящие качества государей, они не посмеют высказать свое мнение, противное мнению большинства, да и побоятся оскорбить достоинство верховной власти, представляемой государем. Кроме того, так как действия государей не подсудны, то подлежат обсуждению одни только последствия действий, а не сами действия. Если государь сумеет только сохранить свою жизнь и власть, то все средства, какие бы он не употреблял, для этого, будут считаться честными и похвальными».

5.

Разбойники обируют преимущественно богатых, правительства же обируют преимущественно бедных, богатым же, помогающим им в их преступлениях, покровительствуют. Разбойники, делая свое дело, рискуют своей жизнью – правительства почти ничем не рискуют. Разбойники никого насильно не забирают в свою шайку, – правительства набирают своих солдат большей частью насильно. Разбойники делят добычу большей частью поровну, – правительства же распределяют добычу неравномерно: чем больше кто участвует в организованном обмане, тем больше он получает вознаграждения. Разбойники не развращают умышленно людей, – правительства же для достижения своих целей развращают целые поколения детей и взрослых ложными религиозными патриотическими учениями. Главное же, ни один самый жестокий разбойник Стенька Разин, никакой Картуш не может сравниться по жестокости, безжалостности и изощренности в истязаниях не только со знаменитыми своей жестокостью злодеями-государями: Иваном Грозным, Людовиком XI, Елизаветами и т. п., но даже с теперешними конституционными и либеральными правительствами с их казнями, одиночными тюрьмами, дисциплинарными батальонами, ссылками, усмирениями бунтов, избиениями на войнах.

6.

Как удивительно то, что короли так легко верят тому, что в них все, и что народ так твердо верит в то, что он ничто.

Монтень.

7.

Сильные мира кажутся великими только людям, которые стоят перед ними на коленях. Только встань люди с колен

Лев Толстой

на ноги, и они увидят, что казавшиеся им такими великими люди – такие же, как и они.

8.

Главное зло государственного устройства не в уничтожении жизней, а в уничтожении любви и возбуждении разъединения между людьми.

III. Государство основано на насилии

1.

Существенной особенностью каждого правительства является то, что оно требует от граждан той силы, которая составляет его основу. Таким образом, в государстве все граждане являются угнетателями самих себя. Правительство требует от граждан насилия и поддержки насилию.

2.

Каждое правительство поддерживается вооруженными людьми, готовыми осуществлять силу его волю, сословием людей, воспитывающихся для того, чтобы убивать всех тех, кого велит убивать начальство. Люди эти полиция и, главным образом, армия. Армия есть не что иное, как собрание дисциплинированных убийц. Обучение ее есть обучение убийству, ее победы – убийства. Войско всегда стояло и теперь стоит в основе власти. Всегда власть находится в руках тех, кто повелевает войском, и всегда все властители от римских кесарей до русских и немецких императоров озабочены более всего войском.

Армия прежде всего поддерживает внешнее могущество правительства. Она не допускает того, чтобы власть была вырвана у него другим правительством. Война есть не что иное, как спор между несколькими правительствами о власти над подданными. В виду такого значения армий, каждое государство приведено к необходимости увеличивать войска, увеличение же войск заразительно, как это еще полтора столетия тому назад заметил Монтескье. Но когда думают, что правительства содержат армию только для защиты от внешних нападений, то забывают, что войска нужны правительствам прежде всего для самозащиты от своих подавленных и приведенных в рабство подданных.

3.

Обитатели земной планеты находятся еще в таком состоянии нелепости, неразумия, тупости, что каждый день читаешь в газетах рассуждения правителей народов о том, с кем и как надо соединиться для того, чтобы воевать с другими народами, сами же народы при этом позволяют своим руководителям располагать ими, как скотом, ведомым на бойню, как будто жизнь каждого человека не есть его личная собственность.

Обитатели нашей планеты все еще воспитаны в убеждении, что есть народы, границы, знамена, и что все это гораздо важнее сознания человечности. Правда, что если бы мыслящие люди сумели согласиться, – это положение изменилось бы, так как лично никто не желает войны. Но дело в том, что в каждом государстве существуют еще миллионы дармоедов, которым нужна война и которые без войны не могли бы продолжать быть дармоедами. Вот эти-то дармоеды и мешают мыслящим людям согласиться перестать участвовать во взаимном убийстве.

Ю.ла.и.ирион.

4.

Государства Европы накопили долг в 130 миллиардов. Из этих 130 около 110 сделано в последние сто лет. Весь огромный долг этот сделан только для расходов на войне. Европейские государства держат в мирное время в войсках более 4 миллионов людей и могут довести это число до 19 миллионов в военное время. Две трети дохода всех государств идут на проценты с долга и на содержание армий сухопутных и морских. Все это сделано государствами. Не будь государств, ничего бы этого не было.

Мо.и.иари.

5.

Может ли быть что-нибудь нелепее того, что человек имеет право убить меня потому, что он живет на той стороне реки и что его государь в ссоре с моим, хотя я и не думал ссориться с ним?

Паскаль.

6.

Как часто встречаешь людей, осуждающих войны, тюрьмы, всякого рода насилия, но вместе с тем непосредственно участвующих в тех самых делах, которые они осуждают.

Человек нашего времени, если он не хочет поступать безнравственно, должен очень внимательно обдумать те кажущиеся невинными дела, к участию в которых он призывается. Как, съедая котлету, человек должен знать, что эта котлета есть тело убитого барана, так точно и получая жалование на оружьем, пороховом заводе, или на службе офицером, или чиновником по сбору податей, он должен знать, что он получает жалование за то, что участвует в приготовлениях к убийству или в отбирании у бедных людей произведений их труда.

В наше время самые большие и вредные преступления не те, которые совершаются временами, а те, которые совершаются непрестанно и не признаются преступлениями.

IV. Государство было временной формой общезития людей

1.

Может быть, что для прежнего состояния людей нужно было государственное устройство; может быть, для некоторых людей оно нужно еще и теперь, но люди не могут не предвидеть того состояния, при котором насилие может только мешать их мирной жизни. А видя и предвидя это, люди не могут не стараться ввести такой порядок, в котором насилие стали бы и не нужно и невозможно. Средство осуществления этого порядка есть внутреннее совершенствование, не допускающее участия в насилии.

2.

Как движется жизнь отдельного человека от возраста к возрасту, так точно движется и жизнь всего человечества. И как в жизни отдельного человека бывают такие времена, когда ребенок становится юношей и не может уже жить по-прежнему, и юноша становится зрелым мужем, и зрелый муж стариком, так и все человечество переживает разные возрасты. Все показывает то, что в наше время мы переживаем переход человечества из одного возраста в другой. Ребяческий и юношеский возраст пережит. Надо жить так, как свойственно жить в зрелом возрасте.

3.

Та перемена, которая предстоит теперь человечеству, это перемена то животного состояния к человеческому. Переход этот возможен только при исчезновении государства.

Бакунин.

Суеверие государства

4.

Государство – учреждение временное и должно исчезнуть. Сабля и ружье, оружия нашего времени, со временем будут показываться в музеях, как такие же редкости, как теперь показывают орудия пытки.

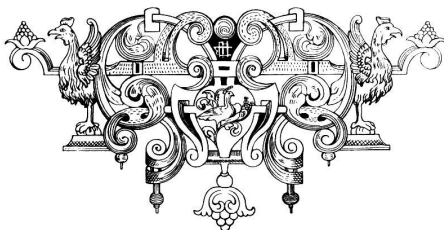
По Кросби.

5.

В наше время люди уже начинают понимать, что время государства прошло, и что оно держится только утвердившимся лжеучением, но не могут освободиться от него, потому что все так или иначе запутаны в нем.

6.

Если государства и были когда-то на что-то нужны, то время это уже давно прошло, и государства, особенно теперешние, только вредны. Теперешние государства со своими войсками напоминают того часового, которого, как рассказывают, еще долго продолжали ставить на место, где когда-то была скамейка, на которой когда-то имела привычку садиться во время гуляния уже давно умершая императрица.

V. Законы

не исправляют и улучшают, а ухудшают и портят людей

1.

Государство создает преступников быстрее, чем их наказывает. Наши тюрьмы набиты преступниками, которых развратили государство своими несправедливыми законами, монополиями и всеми своими учреждениями. Мы сначала издаем множество законов, порождающих преступления, а потом издаем еще больше законов для того, чтобы наказать за эти преступления.

Шукер.

2.

Государство издает столько законов, сколько отношений между людьми, которые должны быть определены. А так как отношений этих бесчисленное количество, то законодательство должно действовать непрерывно. Законы, декреты, эдикты, указы, постановления должны сыпаться градом на несчастный народ. Так оно и есть. Во Франции конвент в три года, один месяц и четыре дня издал 11600 законов и декретов; учредительное и законодательное собрание произвели столько же. Империя и позднейшие правительства работали столь же успешно. В настоящее время собрание законов содержит их в себе, как говорят, более 50000; если бы наши законодатели исполняли свой долг, эта огромная цифра удвоилась бы. Думаете ли вы, что народ и само правительство могут сохранить какой-нибудь здравый смысл в этой ужасной путанице?

Трудон.

3.

Люди старательно вяжут себя так, чтобы один человек или немногие могли двигать ими всеми; потом веревку от этой самой связанной толпы отдадут кому попало и удивляются, что им дурно.

4.

Стоит только, отрешившись от принимаемого на веру лжеучения, и взглянуть на положение человека, живущего в государстве, – к какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству он ни принадлежал, – чтобы ужаснуться на ту степень рабства, в котором живут теперь люди, воображая, что они свободны.

Над всяким человеком, где бы он ни родился, существует собрание людей, совершенно неизвестных ему, которые устанавливают законы его жизни: что он должен и чего не должен делать; и чем совершеннее государственное устройство, тем теснее сеть этих законов. Определено, кому и как он должен присягать, т.е. обещаться исполнять все те законы, которые будут составляться и провозглашаться, Определено, как и когда он может жениться (он должен жениться только на одной женщине, но может пользоваться домами терпимости). Определено, как он может разводиться с женой, как содержать своих детей, каких считать законными, каких незаконными, и кому и как наследовать и передавать свое имущество. Определено, за какие нарушения законов, как и кем, он судится и наказуется. Определено, когда он сам должен явиться в суд в качестве присяжного или свидетеля. Определен возраст, при котором он может пользоваться трудами помощников, работников и даже число часов, которое может работать в день его помощник, пища, которую он должен давать ему. Определено, когда и как он должен прививать предохранительные болезни сво-

им детям; определены меры, которые он должен принимать и которым должен подвергаться при такой-то и такой-то болезни, постигшей его или семейных животных. Определены школы, в которые он должен посылать своих детей. Определены размеры и прочность дома, который он может строить. Определено содержание его животных: лошадей, собак; как он может пользоваться водой и где может ходить без дороги. Определены наказания за неисполнение всех этих и многих других законов. Нельзя перечислить всех законов на законах и правил на правилах, которым он должен подчиняться и незнанием которых (хотя и нельзя их знать) не может отговариваться человек самого либерального государства.

При этом человек этот поставлен в такое положение, что при всякой покупке потребляемых им предметов: соли, пива, сукна, железа, керосина, чая, сахара и многого другого он должен отдавать большую часть своего труда для каких-то неизвестных ему дел и для уплаты процентов за долги, которые свершены кем-то во время его дедов и прадедов. Должен отдавать также часть своего труда и при всяком переезде с места на место, при всяком получении наследства или какой бы то ни было сделки с ближним. Кроме того, за ту часть земли, которую он занимает или своим жилищем или обработкой поля, с него требуют еще более значительную часть его труда. Так что большая часть его труда, если он живет своим трудом, а не чужим, вместо того, чтобы употребляться на облегчение или улучшение положения его и положения его семьи, уходит на эти подати, пошлины, монополии.

Мало и этого: человеку этому в одних, в большинстве государств, велят, как только он войдет в возраст, поступать на несколько лет в военное самое жестокое рабство и идти воевать, в других же государствах: в Англии и Америке, он должен нанимать людей для этого же дела.

Суеверие государства

И вот люди, поставленные в такое положение не только не видят своего рабства, но гордятся им, считая себя свободными гражданами великих государств Британии, Франции, Германии, России, гордятся этим так же, как лакеи гордятся важностью господ, которым они служат.

5.

Я думаю, что мы прежде всего должны быть людьми, а уже потом подданными. Нежелательно воспитывать в себе уважение к закону такое же, как к добру. Закон никогда не делает людей более справедливыми, а, напротив, вследствие уважения к закону хорошие люди делаются исполнителями несправедливости.

Торо.

6.

Понятно, что коров, лошадей, овец стерегут люди. Люди знают, что нужно скотине и как лучше пасти ее. Но лошади, коровы, овцы не могут сами пасти себя, потому что они все одинаковы по своей природе. Так же одинаковы и люди. Почему же одни люди могут повелевать другими и заставлять их жить так, как это им кажется лучше? Все люди одинаково разумные существа, и управлять ими может только то, что выше их. Выше же их только одно: тот дух, который живет во всех их, то, что мы называем совестью. И потому людям нужно повиноваться только своей совести, а не людям, которые назовут себя царями, палатами, конгрессами, сенатами, судами...

7.

Американские индейцы жили так, что у них не было никакой власти, никаких законов, никакого правительства. Слушались они только заведенного обычая и своей совести. Те, кто поступали противно обычаю и своей совести, тех изгоняли из

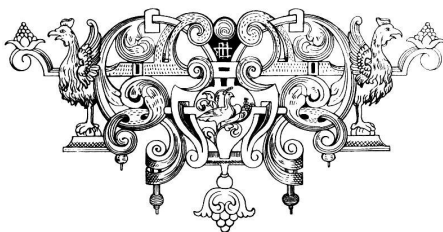
Лев Толстой

общества, или когда случалось что-нибудь важное, как убийство, то наказывали убийство те, кто пострадал от него... И среди американских индейцев было гораздо меньше преступлений, чем среди наших государств с властями, тюрьмами и судьями. Где будет больше зла: там ли где нет никаких законов, как было у диких американских индейцев, или там, где их слишком много? Я думаю, что верно можно сказать, что там где, слишком много законов. Овцы, наверное, будут счастливее, если они сами будут заботиться о себе, а не будут отданы на попечение о них волкам.

По Джефферсону.

8.

Гораздо естественнее представить себе общество людей, управляемое разумными, выгодными и признаваемыми всеми правилами, чем те общества, в которых живут теперь люди, подчиняясь, никто не знает кем установленным государственным законом.

VI. Оправдание необходимости государственного устройства

1.

Не утешай себя мыслью, что если ты не видишь тех, которых ты мучаешь и убиваешь, и если у тебя много товарищей, делающих то же, то ты не мучитель, не убийца: ты мог бы не быть им до тех пор, пока не знал, откуда те деньги, которые попадают тебе в руки, но если ты знаешь, то нет тебе оправдания – не перед людьми (перед людьми во всем и всегда есть оправдание), а перед твоей совестью.

2.

Говорят, что государственное устройство справедливо, потому что оно установлено большинством голосов. Но это, во-первых, неверно, – государственное устройство установлено не большинством голосов, а силой. А если бы даже оно и было поддерживаемо большинством голосов, то и это не делало бы его справедливым.

Не только один человек не имеет права распоряжаться многими, но и многие не имеют права распоряжаться одним.

3.

«Когда среди 100 человек один властвует над 99 – это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвуют над 90 – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо – это свобода».

Может ли быть что-нибудь смешнее такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

4.

Цель государства в том, чтобы установить порядок, такой же, какой бы был среди людей, если бы все люди были руководимы справедливостью. Но если бы государства и достигли своей цели, то все-таки была бы не только разница, но полная противоположность между внешней справедливостью, достигнутой государством, и тем состоянием, в котором были бы люди, руководимые желанием справедливости. В обществе, руководимом желанием справедливости, никто не хотел бы творить несправедливостей; в самом же лучшем государственном устройстве было бы так, что никто не хотел бы терпеть несправедливости, так что одна и та же цель достигается двумя противоположными средствами. Как хищный зверь в наморднике столь же безвреден, как и травоядное. Дальше же этого предела государство не может идти: государство не может даже дать нам понятия о том, какая бы стала жизнь людей при взаимной благожелательности их между собою.

По Шопенгауэру.

5.

Говорят, что государство всегда было, и что поэтому нельзя жить без государства. Во-первых, государство не всегда было, а если и было и есть теперь, то это не показывает того, что оно всегда должно быть.

VII. Христианин не должен принимать участия в делах государства

1.

К правительствам, как к церквям нельзя относиться иначе, как или с благословением или с омерзением. До тех пор, пока человек не понял того, что такое правительство, так же, как и того, что такое церковь, он не может относиться к этим учреждениям иначе, как с благословением. Пока он руководится ими ему нужно думать, для его самолюбия, что то, чем он руководится, есть нечто самобытное, великое и святое. Но как только он понял, что то, чем он руководится не есть нечто самобытное и священное, а что это только обман недобрых людей, которые под видом руководства для своих личных целей пользовались им,- так он не может тотчас же не испытать к этим людям отвращения.

2.

Всякий истинных христианин при предъявлении к нему требования государства, противного его сознанию, может и должен сказать: «Я не могу доказывать ни необходимости ни вреда государства; знаю только одно то, что во-первых, мне не нужно государство, а, во-вторых, что я не могу совершать все те дела, которые нужны для существования государства».

3.

Я живу, живу нынче еще; завтра очень может быть, что меня не будет, что я навсегда уйду туда, откуда пришел. Пока

я живу, я знаю, что если я в любви с людьми, мне хорошо, спокойно, радостно, и потому пока я живу, я хочу любить и быть любимым. И вдруг приходят люди и говорят: «Пойдем с нами обирать, казнить, убивать, воевать, тебе будет от этого лучше, а если не тебе, то государству». «Что такое? Какое такое государство? Что вы говорите?» – ответит всякий не ошалевший разумный человек. – Оставьте меня в покое. Не говорите таких глупостей и гадостей».

4.

Когда человеку приходится выбирать между тем, что велит Бог и что велит власть, и он делает то, что велит власть, то он поступает так, как поступил бы человек, слушаясь не того хозяина, у которого он живет, а того первого человека, которого он встретил на улице.

5.

Мне говорят: «Давай столько-то денег какому-то тому, кто называется правительством. Этот же кто-то велит мне идти в солдаты и обещаться убивать, кого он велит». Я спрашиваю: «Кто этот кто-то?» Мне говорят: «Правительство». «Кто такое правительство?» «Люди». «Кто же такие эти люди, особенные какие-нибудь?» «Нет, такие же как и все». «Зачем же мне делать то, что они велят мне. Еще добро бы все, что они велят, были бы дела добрые, а то прямо велят мне делать злое. Не хочу я этого. Оставьте меня в покое». Вот что должны были бы сказать все люди, если бы они не были так одурены лжеучением государства.

6.

Учение Христа всегда было противно учению мира. По учению мира, властители управляют народам, и, чтобы управлять ими, заставляют одних людей убивать, казнить, наказывать

Суеверие государства

вать других людей, заставляют их клясться в том, что они во всем будут исполнять волю начальствующих, заставляют их воевать с другими народами. По учению же Христа ни один человек не может не только убивать, но насилловать другого, даже и силою сопротивляться ему, не может делать зла не только ближним, но и врагам своим. Учение мира и учение Христа были и всегда будут противны друг другу. И Христос знал это и предсказывал Своим ученикам, что за то, что они будут следовать Его учению, их будут предавать на мучения и убивать, и что мир будет их ненавидеть, как он ненавидел Его, потому что они будут не слугами мира, а слугами Отца. И все сбылось и сбывается так, как предсказал Иисус, если ученики Христа исполняют Его учение.

7.

«Если бы мои солдаты начали думать, ни один не остался бы в войске» – говорил король Фридрих II.

8.

Анархисты правы во всем: и в отрицании существующего и в утверждении того, что при существующих нравах ничего не может быть хуже насилия власти; но они грубо ошибаются, думая, что анархию можно установить революцией. Анархия может быть установлена только тем, что будет больше и больше людей, которым не нужна защита правительственной власти и все больше и больше людей, которые будут стыдиться прилагать эту власть.

9.

Анархия не значит отсутствие учреждений, а только отсутствие таких учреждений, которым заставляют людей подчиняться насильно. Казалось, иначе бы не могло и не должно бы быть устроено общество существ, одаренных разумом.

10.

Нельзя допустить, чтобы человек, истинный христианин, был членом общества, имеющего армию и военные учреждения.

Неужели он может согласиться на то, чтобы признаваемый им глава правительства командовал бы армией и флотом и водил братьев его убивать братьев же иноплеменников?

Не может христианин признавать такого сановника и участвовать в его выборе, не может, присягая именем Бога, обязываться делать дела убийства и насилия. Как безобразно, нелогично оказывается возражение в пользу участия в делах мира сего и как бессмысленно оказывается по проверке то, что с первого взгляда казалось последним словом здравого смысла.

Конгресс уполномочивает объявить войну. Мои представители уполномочивают делать это злодеяние от моего имени и по своему произволу. Они имеют власть обратить целую нацию в безбожных убийц и разбойников, они имеют власть объявлять справедливыми и правыми все эти ужасы, они имеют право дозволять совершение всех преступлений, и все это на основании моего уполномочия.

При таких условиях христианин не примет никакой должности, никогда не захочет быть ни избирателем, ни избираемым и никогда не присоединится ни к церкви, ни к государству, пока они будут поддерживать такие верования, пока и церковь и государство не перестанут распинать Христа.

Агнн Балу.

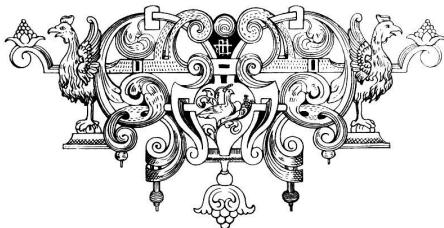
11.

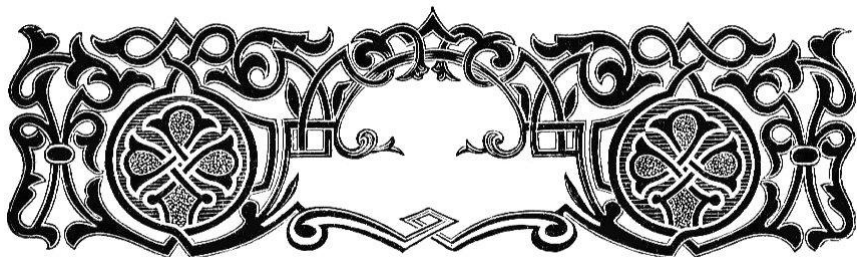
Суд состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы.

Суеверие государства

Ибо всякий делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что злы. А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге сделаны.

Евангелие от Иоанна, ГЛГ, 19-21.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
От издателя	6
I. В чем ложь и обман учения о государстве	7
II. Суеверие неравенства, выделяющее людей правительст- ва, как особенных, из среды всего остального народа	14
III. Государство основано на насилии	19
IV. Государство было временной формой общезития людей	22
V. Законы не исправляют и улучшают, а ухудшают и портят людей	24
VI. Оправдание необходимости государственного устройства	29
VII. Христианин не должен принимать участия в делах государства	31

